

УДК 82.09

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ КАТЕГОРИИ ПАМЯТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2012 Н.С. Степанова

Курский институт социального образования (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»

Поступила в редакцию 8 ноября 2011 года

Аннотация: Статья посвящена формированию культуры воспоминаний с целью сохранения национальной идентичности, для осуществления идеи культурной преемственности, а также художественным функциям категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья.

Ключевые слова: память, культурная память, автобиографическая проза, литература первой волны русского зарубежья.

Abstract: The article is devoted to the formation of the culture of memories with the view of preservation of national identity, realization of the idea of cultural continuity, and to the artistic functions of the category of memory in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration.

Key words: memory, cultural memory, autobiographical prose, literature of the first wave of Russian emigration.

Особая роль уникального многотысячного сообщества, которое представляла собой первая волна русской эмиграции, состояла в той исключительной по своей важности задаче, что поставила история перед беженцами из России. Ощущение великой миссии хранения «священного огня», возвышенное стремление спасти и передать будущим поколениям истинную русскую литературу и русскую культуру отчетливо ими осознавались и декларировались. На вечере, посвященном миссии русской эмиграции, 16 февраля 1924 года в Париже И.А. Бунин произнес: «Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас», «Есть еще нечто, что присваивает нам некое назначение. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся» [1, 126-127]. В. Абданк-Коссовский писал: «Ни одна эмиграция... не получала столь повелительного наказа продолжать и развивать дело родной культуры, как зарубежная Русь». Эта мысль была близка и Д.С. Мережковскому, считавшему: «Мы не в изгнании. Мы – в послании».

Русские эмигранты первой волны вполне сознательно и целенаправленно стремились создать свое сообщество, установить связи, устоять против ассимиляции, не раствориться в приютивших

их народах. В этой ситуации действенным способом сохранения и передачи культурных традиций, средством объединения эмиграции оказались литература и художественное творчество. Писателям-эмигрантам предстоял сложный и противоречивый процесс воссоздания прошлого в актуальном настоящем, процесс художественного творчества, ориентированный на культурную память. В результате были созданы такие глубокие лирико-автобиографические и философские повествования, как, например, «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, «Путешествие Глеба» Б.К. Зайцева, «Другие берега» В.В. Набокова, «Времена» М.А. Осоргина, «Лето Господне» И.С. Шмелева, на материале которых мы рассмотрим формирование культуры воспоминаний и художественные функции категории памяти в литературе первой волны русского зарубежья.

Философско-эстетическая категория памяти (память культуры, культурная память) является предметом специальных и междисциплинарных исследований в философии, литературоведении, психологии, социологии, этике, эстетике. «Воспоминания о прошлых событиях в жизни индивида, стадийность его развития, рождение нового поколения, передача традиций и преемственность нравов» [2, 4] – всё это находит своё объяснение в едином, универсальном свойстве организованной материи – памяти.

Отличие рассматриваемых нами художественных текстов от предшествующей классической традиции русской автобиографической литературы

© Н.С. Степанова, 2012

заключается в новом аспекте повествования — не столько социально-историческом, сколько онтологическом. Главные героини постоянно ощущают неразрывную связь со Всебытием (И.А. Бунин), связь их личного жизненного пути с универсальными, иррациональными началами бытия.

В.В. Набоков начинает «Другие берега» с образа колыбели, качающейся над бездной, задавая масштаб и тональность повествования (метафорически так представлен земной шар в космосе). Поясняя далее читателю свои представления о безграничном прошлом и безграничном настоящем, он пишет: «жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями», которые он называет также «черными пустотами», «безднами» — «преджизненной» и той, к которой «летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час». Повествуя о своих попытках пробиться, проникнуть в сферу высшей реальности, в место локализации Прапамяти, присущей человеку как носителю духа, он восклицает: «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни? <...> Кажется, кроме самоубийства, я перепробовал все выходы» [3, 135–136].

М.А. Осоргин вспоминает свою юность и мучившие его вопросы, которые теперь, став взрослым, он может изложить «какими-то, хоть и сумбурными, но внятными» словами: «Как это случается, что просыпается семя и разматывается клубок жизни, у каждого свой, но единый в своем бесконечном разнообразии, роднящий меня с бактерией, мокрицей, плесенью, слоном и Шекспиром? О какой говорите вы цели, не зная не только причины, но и причины причин? О каком добре, не имея ни в пространстве, ни на земле, ни в себе самих точки опоры? О какой истине — кроме искомой и ненаходимой?» [4, 50].

Писатели констатируют: «У нас нет чувства своего начала и конца» (И.А. Бунин), «я не вижу ни концов, ни начал» (М.А. Осоргин), — подтвердив непродуктивность или невозможность создания «линейной» биографии в хронологически выверенном порядке и подчеркнув невероятную трудность рационалистического определения того, «с чего надо начать писать свою жизнь». Попытки обнаружить самое первое сознательное воспоминание, когда «впервые в жизни вспыхнуло <...> сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти», не дают точного ответа: «Самое первое воспоминание мое есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг... Только и всего, только одно мгновение!» (И.А. Бунин); «Я вижу пробуждение самосо-

знания, как череду вспышек с уменьшающимися промежутками» (В.В. Набоков); романная жизнь Глеба начинается с невероятного, ослепительного света деревенского утра, в котором замер маленький герой (Б.К. Зайцев).

Познание в этих художественных текстах предстает как припоминание, вышедшее за рамки гносеологии и ставшее онтологией культурного творчества, что не случайно: в эстетической теории русского символизма искусство трактовалось как воспоминания о горнем мире. В творческом арсенале писателей — сила воображения, позволяющая перевоплощаться в кого-либо, во что-либо, чувствовать в себе генетически заложенные другие жизни; «память о забытых глубинах бытия, которая приносит человеку радость обретения забытой истины» [5, 450]; осознание того, что проникнуть в тайны мира и изначальные основы бытия можно не рациональным, но интуитивным путем.

И.А. Бунин точно знал, что «слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь — есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся», и прозревал трансцендентный характер творческого акта: «Что же это такое? Кто творил? Я, вот сейчас пишущий эти строки, думающий и сознающий себя? Или же кто-то, сущий во мне помимо меня, тайный даже для меня самого и несказанно более могущественный по сравнению со мною, себя в этой обыденной жизни сознающим?» («Музыка»). Он проникал иногда в эти забытые глубины бытия: «И я сам испытал однажды, — как раз в стране Будды, в индийских тропиках, — <...> ужас ощущения, что я уже был среди этого райского тепла и райских богатств» [6, 8], — и своему герою дал такую возможность: Арсеньев чувствовал «в себе кого-то лихого, старинного, куда-то скачущего в кивере и медвежьей шубе», не раз «мысленно видел какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем»; когда он впервые увидел море, то «вдруг с ужасом и радостью узнал его. Именно — вспомнил, узнал!» [7, 460, 484, 427].

И.С. Шмелев в книге «Лето Господне» строит повествование так, что дорога на Постный рынок становится трансторическим путем героя, а панорама Кремля вызывает к жизни такие глубины памяти, о которых маленький мальчик и не подозревал: «Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... Там, за стенами, церковка под бугром, — я знаю. И шели в стенах — знаю. Я глядел из-за стен... когда?.. И дым пожаров, и крики, и набат... — все помню. Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... — все помнится былью, моею былью, будто во сне забытом» [8, 306].

Особая роль памяти, позволяющей осуществлять связь времен, — предмет размышлений писателей и философов. Д.С. Лихачев пишет: «Принято делить время на прошлое, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее предугадывается настоящим, соединённым с прошедшим. Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти» [9, 160]. В философии П.А. Флоренского три вида памяти (памяти прошлого, памяти настоящего и памяти будущего) связывают воедино платоновское учение о знании как припоминании и ницшеанское учение о вечном возвращении на основе парамнезии, одного из видов памяти о прошлом, когда «кажется, что переживаемое в данный момент уже переживалось точь-в-точь так же и ранее» [5, 57].

В.В. Набоков в своей лекции «Искусство литературы и здравый смысл» объясняет, что память в творческом процессе играет важную, но не всегда осознанную роль, и все зависит от совершенного слияния прошлого с настоящим. Вдохновение гения, считает он, обладает тремя составляющими: это и прошлое, и настоящее, и будущее (книга), возникающие в моментальной вспышке; так воспринимается весь круг времени, другими словами, время перестает существовать. Это сложное чувство, пишет В.В. Набоков, когда «вся вселенная входит в тебя, а ты сам полностью растворяешься в окружающей вселенной. Стены темницы твоего «я» неожиданно рассыпаются, и «не-я» врывается извне, дабы спасти узника, и без того уже пляшущего на свободе» [10, 71].

Этот момент «эпифанического прозрения», которое отличается вневременным восприятием не осознаваемых до тех пор связей между разными отдаленными друг от друга воспоминаниями и самыми разнообразными ощущениями, когда время перестает существовать, или, точнее, обычные категории времени — прошлое, настоящее и будущее — сосуществуют, В.В. Набоков называл «космической синхронизацией» («Speak, Memory»), «многопланностью мышления», «освобождением духа из границ плоти и превращением нашим в одно сплошное око, зараз видящее во все стороны света, или, иначе говоря, сверхчувственным прозрением мира при нашем внутреннем участии» («Дар»); М.А. Осоргин — «зарницей непостижимой истины» («Времена»).

Как возникает память культуры? Из каких именно форм памяти коммуникативной (существующей на протяжении жизни трех поколений — 80-100 лет, базирующейся на обыденном опыте индивидов и групп) вырастает память культурная как форма трансляции и актуализации культурных смыслов?

Протоформой всякой культуры воспоминания Я. Ассман [11, 386] считает память живых о

мертвых, поминовение последних. А эмигранты первой волны находились в реальной ситуации, когда в художественном творчестве поминались не только конкретные умершие, погибшие, замученные (родные, друзья, *сродники*) — поминалась *вся Россия*: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой» [1, 129]. В «Других берегах» В.В. Набоков прямо пишет: «Я был в состоянии человека, который, только что потеряв нетребовательную, нежно к нему относившуюся старую родственницу, вдруг понимает, что из-за какой-то лености души, усыпленной дурманом житейского, он как-то никогда не удосужился узнать покойную по-настоящему и никогда не высказал своей тогда мало осознанной любви, которую теперь уже ничем нельзя было разрешить и облегчить» [3, 274].

Станным, но психологически весьма понятным образом писатели этой генерации пришли к пониманию того, что смерть не прерывает существования человека и умершие являются субъектами взаимоотношений, ведь культура, «будучи сама подчинена законам времени, одновременно располагает механизмами, противостоящими времени и его движению» [12, 616]. М.А. Осоргин писал: «Вглядываясь в эту жизнь со всею пристальностью, доступною хрусталику глаза, я вижу только вечный путь с цветным фейерверком символов, скользящих отметок на замкнутом круге, но я не вижу ни концов, ни начал, и в вихре нагромождающихся гибелей и кажущихся рождений я, к несказанной радости духа, в награду за его пытливость, — не вижу смерти: ее нет!» [4, 50-51].

Культурная память обязательно связана с социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия. М. Хальбвакс считал, что в общественном сознании манифестируются коллективные воспоминания, которые суть обусловленная современностью реконструкция прошлого; воспоминания могут рассматриваться как коллективный социальный феномен («коллективная память»), необходимый для жизни и выживания общества, будучи тем общим, что конституирует общество как таковое, является залогом его идентичности [13, 348]. Сообщество русских эмигрантов первой волны — философов и писателей, историков и политиков, религиозных и общественных деятелей — в содружестве и в дискуссиях (порой жестких) выстраивало свою идентичность путем производства общей памяти. Особую роль в этом процессе сыграли тексты — «объективированные формы» культурной памяти

(Я. Ассман) — художественные и нехудожественные, мемуарные и автобиографические, продиктованные ностальгической памятью об утраченной России; а также процесс их создания, интерпретация, движение в культурном пространстве.

Конечно, они субъективны, так как связаны с познающим субъектом, с его собственной историей, временем, классом, к которому он принадлежит. Истинность воспоминания предопределена идентичностью, которая формируется культурной памятью, поскольку всякое сообщество представляет собой то, что оно само о себе помнит, и эта истинность обусловлена его историей, но не той, которая «была», а той, которая хранится и развивается в культурной памяти.

Культурная память — феномен коллективный, однако коллективные воспоминания представляют собой не простую сумму индивидуальных воспоминаний: если изначально память эмоционально-личностна, то в культуре из многовариантности, многообразия модальностей личностей и микрогрупп формируется подвижный, меняющийся, но целостный образ прошлого. Более того, по М. Хальбваксу, даже память отдельных людей не в полном смысле «индивидуальна», ибо всякий индивид осознает себя членом определенной группы и «вспоминает» в контексте её памяти — память группы актуализируется в индивидуальной памяти её членов.

Таким образом, феномен памяти предстает и как предмет художественного изображения, и как категория поэтики, и как смыслообразующий элемент отдельного произведения или художественного мира писателя в целом, и как способ художественного мышления, и как одна из основных составляющих мировоззрения писателя. Культурная память осознается как непрерывный процесс, в котором сообщество первой эмиграции формировало и стабилизировало свою идентичность путем реконструкции собственного прошлого. Весьма существенным при этом является то обстоятельство, что рассматриваемые нами фигуры были не просто рядовые члены этого сообщества, а мыслители и писатели мирового масштаба, особо одаренные люди, которые обладали способностью сильно чувствовать и владели умением точно выразить свои прозрения. В этой их «укорененности во Всебытии» (И.А. Бунин) был источник их особой жизненной

силы и близости к тайнам бытия.

Рассматриваемые нами художественные произведения выполнили свою миссию, сохранив русскую культуру, став банком неотторжимых сокровищ и богатств общей, коллективной памяти. Деструктивным, разрушительным силам того сложного времени литература и философия эмиграции противопоставили пафос созидания на основе веры в существование высших, общечеловеческих ценностей. Во имя чего это делалось? Во имя сохранения национальной идентичности, для осуществления идеи культурной преемственности, реализующейся в виде культурных традиций, для реализации памяти как культурной практики обращения к прошлому, что в целом вполне соотносится с современными взглядами на содержание философско-эстетической универсалии «культурная память».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И. Миссия русской эмиграции: (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) / И. Бунин // Бунин И. Великий дурман / Сост., вступ.ст. и примеч. О.Б. Васильевской. — М. : Совершенно секретно, 1997.
2. Коковина Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века / Н.З. Коковина. — Курск : Изд-во Курского государственного университета, 2003.
3. Набоков В.В. Другие берега / В.В. Набоков // Собр. соч. : в 4 х т. — Т. 4. — М. : Правда, 1990.
4. Осоргин М.А. Времена: автобиографическое повествование: романы / М.А. Осоргин. — М. : Современник, 1989.
5. Флоренский П.А. Сочинения : в 4 х т. — Т. 2. / П.А. Флоренский; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. — М. : Мысль, 1996.
6. Цит. по: Мальцев Ю. Бунин : 1870—1953 / Ю. Мальцев. — Франкфурт-на-Майне; М. : Посев, 1994.
7. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева / И.А. Бунин // Собр. соч. : в 4 х т. — Т. 3. — М. : Правда, 1988.
8. Шмелев И.С. Лето Господне / И. Шмелев // Избранное. — М. : Правда, 1989.
9. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. — М. : Детская литература, 1985.
10. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл / В. Набоков; пер. с англ. Н. Ермаковой // Звезда. — 1996. — № 11.
11. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
12. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. — СПб. : Искусство, 2000.
13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина — М. : Новое издательство, 2007.

Степанова Н.С.

Курский институт социального образования (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»

Доцент кафедры журналистики и филологии

E-mail: ns-kursk@yandex.ru

Stepanova N.S.

Kursk Institute of Social Education (branch) of Russia State Social University

Associate professor of the Department of Journalism and Philology